

и к одной империи, хотя и пагубно откололись из-за высокомерия и спеси и от империи, и от церкви. Больше же всего способствовали (взаимной) вражде и такому явному расколу большая длительность протекшего (после разделения) времени и то, что народ тот сблизился со временем со многими варварскими народами, (познакомился) со многими еретическими мнениями и словно одичал и в отношении внешнего вида, и языка, и нрава и (всего) того, что — пусть и в большом количестве — в высшей степени надлежало либо пересилить, либо изгнать. Отсюда, если и решают когда ромей со своими императорами войти в соглашения с этими отпавшими народами, искренне желая сосуществовать с ними в мире и согласии, то (вынуждены делать это) не как с родственными и происходящими из некогда единой империи и (единого само)названия. Но те больше лицемерят, смотря по тем или иным обстоятельствам и главным образом выгодам, и не искренни во взаимной дружбе. Ведь они по (своей) жадности и надменности хотят вообще всем повелевать. И вот ромей-то и претерпевают часто от них (всё) самое гнусное и страшное и испытывают высшую несправедливость, особенно — со стороны наглых генуэзцев, больше и лучше всех извлекающих пользу из империи ромеев. Если кто-нибудь станет сравнивать их (генуэзцев) со зверьми и свирепыми дьяволами, то выскажется о них в соответствии с их подлостью и безумием». ⁸⁴

Понятие «ромей» гораздо шире, чем этноним «эллин»: оно приложимо было и к русским, считавшимся подданными византийского императора ⁸⁵ и входившим в юрисдикцию вселенского патриарха. Серб 40-х годов XIV в. при переводе Синтагмы Матфея Властаря слово «ромей» перевел как «православный». ⁸⁶ К его переводу нам следует сделать лишь одно уточнение, в котором его современники, как в самоочевидном, не нуждались: ромей это — православные, имеющие собственное государство. На семантике слова «ромей» («римлянин») делали упор некоторые «западники», побуждая греков пойти на уступки католикам, «Риму», ради спасения Византии как государства; ⁸⁷ но этим же понятием пользовались, как мы видели, и люди, относившиеся к Западу враждебно, и тогда это понятие связывало их с теми, кто «подчиняется вселенской церкви и империи ромеев». Византию с Россией, таким образом, связывало не только православие, но и «ромейство». Но связывало лишь постольку, поскольку сами греки оставались «ромеями». Если же они делали «эллинами» (а именно к этому вел византийский гуманизм), ⁸⁸ русские для них оставались лишь «варварами». ⁸⁹

⁸⁴ Συλλογή, стр. 11—12.

⁸⁵ Даже египетский султан Малик Насир Магомет в 1340 г. считал нужным величать императора Андроника III («мечом македонского царства, доблестью царства эллинов, императором (τὸν βασιλέα) Болгарии, Влахии и Алании, властителем (τὸν αὐθέντη) России, Иверии и турук, наследником Римской империи, властвующим над двумя морями и реками») (Analecta byzantino-russica. Ed. W. Regal, Petropoli, 1891, стр. 58 и XXXVIII—XLI).

⁸⁶ Т. Флоринский. Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков. Киев, 1888, стр. 438.

⁸⁷ «Кто более, нежели римляне (Ῥωμαίων), подходят для союзничества с ромеями (Ῥωμαίους)? И кто более заслуживает доверия, нежели люди, имеющие то же самое отечество?» — риторически спрашивал Димитрий Кидонис (PG, t. 154, 977).

⁸⁸ В первой половине XV в. это ярко выразится в утопических проектах Гемиста Плифона относительно перестройки остатков Византии на основе «эллинства».

⁸⁹ О терминах «ромей», «эллин» и «варвар» у поздневизантийских писателей см.: Н. Ditten. Βάρβαροι, Ἑλληνας und Ῥωμαῖοι bei den letzten byzantinischen Geschichtsschreibern. — XIIe Congrès International des Études Byzantines. Résumé des communications. Belgrade—Ochride, 1961, стр. 28—29.